

УДК 123.1+123.2

СВОБОДА КАК ПОЗНАННАЯ СЛУЧАЙНОСТЬ***Р.С. Гаджиев***

В статье рассматриваются два исторических этапа в философском понимании свободы. На первом этапе вопрос о свободе решается на основе определения «свобода как познанная необходимость». Со второй половины XIX в. в философском понимании свободы наступает второй этап. Качественно новый второй этап характеризуется определением «свобода как познанная случайность». Статья посвящена в основном анализу второго этапа философского осмысления свободы.

Ключевые слова: свобода; познанная необходимость; познанная случайность.

Новые философские воззрения и научные достижения второй половины XIX – XX вв. создали теоретическую предпосылку и благоприятную возможность для переосмысления многих сложных проблем философии. В этот период были заново исследованы такие фундаментальные философские вопросы, как проблемы бытия, познания, сознания, времени и многие другие. Среди них особое место занимает понятие свободы.

Актуальность этой проблемы сохраняется и в настоящее время ее обсуждают не только ученые, но и политические деятели на уровне мирового сообщества государств или же отдельных наций и народов, понятие свободы в основе международных отношений и правовых норм. Понятие свободы может быть рассмотрено в разных аспектах — правовом, политическом и, конечно же, философском. Несомненно, философский аспект свободы наиболее значим, поскольку именно на его основе можно правильно понять и решить и политический, и правовой, и другие аспекты данной проблемы.

Известно, что до XIX в. под свободой в первую очередь понимали свободу воли человека в рамках норм права и морали определенного общества. Имеется в виду свобода человека, способного осознать свои мысли и действия. В этом контексте в античную эпоху под свободой понимали волеизъявление человека во всех общественных делах греческого полиса. Согласно Гегелю, античный мир уже понимал, что некоторые люди свободны. В данном случае это относилось именно к гражданам полиса. Однако древнегреческая свобода ограничена,

потому что человек не может изменить предначертанную судьбу; он полностью зависит от природы, частью которой является.

Можно сказать, что ограниченное понимание свободы характерно и для Средневековья. По существу, человек был свободен в выборе своих действий только в рамках предписаний религии. В зависимости от того, как провел он свою жизнь в посюстороннем мире — праведно или нет, в потустороннем мире его ждал рай или ад. Человек находится всецело под пристальным взглядом Всевышнего. Как в Античности, так и в Средневековье человек не мог уйти от предначертаний судьбы, и его свобода была ограничена или природой, или божьей волей, или же законами общества. Вероятно, поэтому Спиноза говорил, что абсолютно свободен только Бог, но не человек. Подобно многим мыслителям своего времени, Спиноза был детерминистом; и не случайно, что именно он определил свободу как познанную необходимость — определение, которое вплоть до середины XIX в. не претерпело существенных изменений в философском мире. С таким определением были согласны как английские эмпирики и субъективисты, так и немецкие идеалисты. Это же определение основательно использовалось марксистами, которые в своем учении также исходили из позиций детерминизма. Более того, определение свободы, данное Спинозой, дошло и до наших дней. Во многих учебниках, словарях по философии, изданных в странах постсоветского пространства, где все еще сильны устои марксизма, до сих пор утверждается, что свобода есть познанная необ-

ходимость [5]. Такая трактовка философского понимания свободы требует серьезного переосмотра в свете модернизма и постмодернизма.

Известно, что примерно с середины XIX в. наметились определенные тенденции, которые шли вразрез с приведенным выше определением свободы. Это особенно заметно в работах Достоевского («если бога нет, то все дозволено») и Ницше («Бог умер»). В чем же причина подобного поворота событий?

Как было отмечено, начиная с античной эпохи вплоть до середины XIX в., человеческая свобода трактовалась в рамках законов природы или же заповедей Всевышнего, которые исходили из необходимости, т.е. свобода понималась исходя из детерминистских позиций. Первым подверг научно обоснованной критике детерминизм и рационализм великий французский философ А. Бергсон. Именно ему впервые удалось научно обосновать, что жизнь человека в своей основе иррациональна, т.е. исходит из индетерминизма. В каждой актуальной ситуации жизни человек свободен в выборе своих действий независимо от внешних условий. Другими словами, если даже внешние условия поставят человека в «пограничные условия» (выражение К. Ясперса [10]), именно ему все-таки необходимо сделать выбор и решить свою дальнейшую судьбу, сказав «да» или «нет» жизни. Сказанное, безусловно, требует дополнительного разъяснения. Поэтому сначала обозначим задачу, которая встала перед нами. Я различаю два этапа в философском понимании свободы. Причем второй из них является последней стадией первого. Первый этап, начавшийся в «осевое время» и продолжавшийся до середины XIX в., может быть определен как эпоха достижения человеком свободы мысли и действия (так это в свое время понимал Дж. Локк). Иными словами, в течение этого периода человек старался завоевать свободу мысли и действия в рамках норм права и морали определенного общества. Этому периоду соответствует определение, данное Спинозой, а именно: свобода есть познанная необходимость. Начиная с середины XIX в. в осознании свободы начинается второй, завершающий этап, который был определен в моей диссертационной работе так: истинная свобода есть познанная случайность. Итак, задача настоящей статьи поставлена, далее речь пойдет о сущности и значимости второго этапа в сознании сво-

боды.

В связи с этим уместно вспомнить знаменитый тезис Гегеля: «Всемирная история представляет собой ход развития принципа, содержание которого есть сознание свободы» [3, с. 105]. Именно к такому выводу пришел Гегель, всесторонне и глубоко проанализировавший итоги Великой Французской революции. И весь ход дальнейших исторических событий практически подтвердил правоту гегелевского понимания свободы. Однако следует подчеркнуть, что такая трактовка развития «мирового духа» все еще относится к первому периоду определения свободы. Гегель, подобно вышеперечисленным и не менее знаменитым своим предшественникам, понимал свободу в рамках законов государства или заповедей Бога. Если в первом случае свобода рассматривается с политических и правовых аспектов, то во втором случае она определяется в пределах морали конкретного общества. Иными словами, человек свободен лишь ограниченно, т.к. его поведение обусловлено познанной необходимостью; оно детерминировано необходимостью политической, социальной, духовной и материальной жизни общества. Можно сказать, что первую брешь в «броню» познанной необходимости пробил А. Бергсон — выдающийся философ современной эпохи, фундаментальный вклад в мировую сокровищницу философской мысли которого, по моему мнению, еще не оценен по достоинству не только в постсоветском пространстве, но, возможно, и во всем мире. Достаточно отметить хотя бы то, что крупнейший мыслитель XX в. Б. Рассел в своей книге об истории западной философии достаточно иронично оценивает в целом воззрения А. Бергсона. При этом он признается, что не совсем понимает его (А. Бергсона) понятие длительности: «Я сам не вполне его понимаю и поэтому не могу надеяться, что объясню его с той ясностью, которого оно, без сомнения, заслуживает» [6, с. 947]. Разработка этой действительно сложной концепции дала возможность Бергсону переосмыслить не только понятия пространства и времени, но и понятие свободы, которое, согласно Хайдеггеру и других экзистенциалистов, является сутью бытия человека. В своей первой работе «Опыт о непосредственных данных сознания» Бергсону впервые в философии удалось раскрыть сущность понятия свободы и его значимость для

человека. Выяснилось, что человек свободен априори, т.к. каждая минута его актуальной жизни, реализуясь, вновь не повторяется, т.е. она однократна. Каждая минута жизни порождает нечто новое, неповторимое. Ничто в человеческой жизни не определено заранее, каждая минута уникальна в своей единственности. Только прошедшая жизнь может быть проанализирована, когда можно повторить по нескольку раз свершившееся событие (принцип «кинематографического» механизма мышления, используемый Бергсоном). Отсюда же все излишки детерминизма. Ведь можно манипулировать только ставшим, застывшим, тем, что неизменно дано. В этом сила естествознания и его заслуженные успехи. Индивидуальная же жизнь не неизменна — как точка в математике, она длится. Она не вещь, а процесс, непрерывное становление (невольно вспоминается изречение Гераклита). Можно сказать, что из длительности порождается свобода. Предоставим слово самому Бергсону: «...свобода есть факт, и к тому же самый ясный среди всех установленных фактов. Все трудности, связанные с этой проблемой, и сама она — вытекают из того, что мы пытаемся приписать длительности свойства протяженности, толкуем последовательность как одновременность и выражаем свободу на языке, на который она, очевидно, не переводима» [1, с. 146]. Как четко поясняет Бергсон, «всякое определение свободы оправдывает детерминизм» [1, с. 145]. Для полной ясности излагаемого предлагаю обратиться к соответствующему тексту указанной книги [1, с. 111–146].

Итак, в каждой актуальной ситуации жизни человек свободен в выборе своих действий. Эта свобода абсолютна — и именно потому, что принятое решение и его актуализация зависят только от него самого; ведь каждая ситуация неповторима и предоставляет человеку право выбора всего один раз. Отсюда ответственность человека за совершаемые поступки.

Все сказанное выше является экзистенциальной теорией сознания свободы. А как же в практической жизни? Человек свободен в истинном смысле слова только тогда, когда он осознает, именно осознает, что ему и только ему решать свою судьбу — в каждую минуту осуществляющейся жизни, когда он стоит перед выбором и когда за принятое решение отвечает только он сам. Вспоминаются бесцен-

ные мысли В. Франкла — основателя логотерапии, который лично испытал значимость и судьбоносность каждой минуты в страшные годы своей жизни, проведенные в концлагерях: «Человек — это меньше всего продукт наследственности и окружения; человек в конечном счете сам решает за себя» [9, с. 109]. Вместе с тем Франкл отмечает: «Необходимость и свобода локализованы не на одном уровне; свобода возвышается, надстроена над любой необходимостью» [9, с. 106]. А многие ли из нас знают эту истину? Пока человек верит в предначертанную судьбу, в фатализм, в неизбежность, в то, что Бог все уже решил за него, ему не удастся осознать свою свободу. Согласитесь, что людей с такой установкой на жизнь — абсолютное большинство. Именно поэтому принять позицию экзистенциалистов не так-то просто. Безусловно, такая позиция сурова, безжалостна, но она правдива, честна и не дает возможности человеку возложить свою ответственность на кого бы то ни было, даже на Бога, надежды на чью-либо помощь. Ведь человек «заброшен» в этот мир, как утверждают экзистенциалисты. По этому поводу Ж.-П. Сартр однозначно лаконичен и точен: «Нет детерминизма, человек свободен, человек — это свобода» [8, с. 327]. И тут же добавляет: «человек осужден быть свободным».

И все же — почему человек осужден быть свободным? Потому, что его жизнь находится под властью случайности, т.е. априори индетерминирована. В своей фундаментальной работе «Бытие и ничто» Ж.-П. Сартр пишет: «Бытие есть — без основания, без причины и без необходимости; само определение бытия открывает нам его изначальную случайность» [7, с.164].

Я уже отметил, что «жизнь» (в бергсоновском смысле) — это длительность; это процесс непрерывного изменения, преодоления, становления, развития. Жизнь непрерывно обновляется; она случайна и именно поэтому непредсказуема. Отсюда свобода человека; при этом его разум упорно, настойчиво и вот уже 2800 лет (начиная с осевой эпохи) в этом непрерывном становлении ищет закономерность, порядок, предсказуемость — и в окружающем мире, и в своей собственной жизни. Но если ставка на разум приносит свои ощутимые плоды в естествознании, то для судьбы самого человека все эти усилия оказываются тщетными, так как они

бессильны перед иррациональностью, непредсказуемостью его жизни, являющейся по сути длительностью и находящейся под властью случайности. В этой связи А. Камю пишет: «В мире, который окружает, задевает, подталкивает меня, я могу отрицать все, кроме хаоса, этого царственного случая, этого божественного равновесия, рождающегося из анархии» [4, с. 257–258]. (Следует в связи с этим вспомнить работу Пригожина и Стенгерс «Порядок из хаоса», где устами этих мыслителей говорится, что новейшая наука в своих исследованиях также исходит из индетерминированности, из случайности, являющихся ведущими принципами современного естествознания, в частности, синергетики.) И если это осознается, то отсюда рождается чувство абсурда — проблема, которая исследована А. Камю. Интересны следующие мысли Камю: «До встречи с абсурдом обычный человек живет своими целями, заботой о будущем или об оправдании (все равно, перед кем или перед чем). Он оценивает шансы, рассчитывает на дальнейшее, на пенсию или на своих сыновей, верит, что в его жизни многое еще наладится. Он действует, по сути, так, словно свободен, даже если фактические обстоятельства опровергают эту свободу. Все это поколеблено абсурдом» [4, с. 262].

В высказывании Камю видны контуры выделенных мною двух этапов в сознании свободы. Первый этап — это когда человек надеется на кого-то или на что-то и соответственно этому строит свою жизнь, сохраняя при этом свободу мысли, действия и выбора. Однако это не истинная свобода, так как он пока не сумел осознать, что его жизнь в корне абсурдна и исходит из случайности. Только после осознания случайности бытия он может понять, что осужден

на свободу, что в каждой актуальной ситуации жизни он обречен на выбор своей дальнейшей судьбы, и что ему уже не на кого и не на что надеется (второй этап).

Полагаю, что поставленная цель — определение содержания двух этапов в осознании свободы — достигнута. Ранее мы уже выдвигали тезис о том, что истинная свобода есть познанная случайность [2, с. 98]. К сожалению, он не встретил должного внимания в философствующей среде постсоветского пространства. Настоящая статья — попытка еще раз заострить внимание ученой общественности на этой важной и актуальной проблеме.

Список литературы

1. Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания // Собр. соч. М.: Московский клуб, 1992. Т. 1. 336 с.
2. Гаджиев Р.С. Проблема смысла жизни. Баку: Текнур, 2007. 158 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 2005. 480 с.
4. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1990. 398 с.
5. Новейший философский словарь. Минск: Интерпрессервис, 2001. 1280 с.
6. Рассел Б. История западной философии. М.: Фонд «Мир», 2004. 1008 с.
7. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто // Путь в философию. Антология. М.: Университетская книга, 2001. 445 с.
8. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1990. 398 с.
9. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
10. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. 527 с.

FREEDOM AS THE REALIZED ACCIDENT

Rovshan S. Hajiyev

*Institute of Philosophy, Sociology and Law of the Azerbaijan National Academy of Sciences;
31, G. Dzavida av., Baku, 1143, Azerbaijan*

Two stages of philosophical understanding of freedom are analyzed in the article. At the first stage question about freedom decided at the basis of definition «the realized necessity». New conception began in the middle of XIX century. Author suggests, that the basis of the new conception is definition «the realized accident».

Key words: freedom; the realized necessity; the realized accident.